

Бай Ицин ущипнул себя за бедро, чтобы не рассмеяться вслух, и изо всех сил старался контролировать выражение своего лица, чтобы больше не разозлить этого «маленького невинного».

— Нет! Ничего. Так вот только из-за этого ты ненавидишь Омег?

Выражение лица Гу Яньшу на мгновение застыло, явно его что-то беспокоило. Тон его голоса понизился, звучал глухо:

— Омеги не вносят значительного вклада в общество. Их умственные способности слабы, а физическая сила и вовсе не сравнится с альфами. В военной сфере число Омег, добившихся выдающихся успехов, не превышает десяти. В научной области Омеги в основном выполняют вспомогательную работу. Омеги по своей природе трусливы, подозрительны, нерешительны, склонны к промедлению и легко поддаются эмоциям. Возможно, для всего мира смысл существования Омег заключается лишь в рождении и воспитании детей.

— Причина, по которой я не люблю Омег, проста. Мне противны те, кто в трудных ситуациях может полагаться только на других, не имея собственного мнения. И ещё больше я ненавижу нерешительность. На мой взгляд, правильно — это правильно, ошибочно — это ошибочно. Истина и ложь имеют только две стороны, либо плюс, либо минус, тут просто не может быть столько причин и следствий.

Бай Ицин, подперев подбородок, спокойно выслушал его и лишь после того, как тот закончил, открыл рот:

— Хм, хорошо сказано.

— Но это не всё. В древности Чжоу Сюнь штурмовал Цзяньчжай, а в наши дни Лян Чаодэ совершил ночную атаку на Хуачжун. Эти великие подвиги, казалось бы, были добыты альфами ценой крови и слёз, но на самом деле за всем этим стояла поддержка Омег. У Чжоу Сюня был Ли Юньлань, пожертвовавший жизнью для переброски войск, а за спиной Лян Чаодэ был Ван Ланьфэн, разрабатывавший стратегии. Как ты и сказал, истина и ложь — это всего лишь две стороны, но стороны не означают односторонность.

Бай Ицин постучал по столу, привлекая внимание собеседника, замедлил речь, и в его глазах читалась твёрдость:

— Не все Омеги — ни на что не годные люди. Среди них полно тех, кто сочетает в себе гражданские и военные таланты, ум и отвагу. Не стоит всех под одну гребёнку.

Слова были легки, но смысл тяжёл, каждый иероглиф подобен острому ножу, глубоко врезающемуся в сердце и проникающему в мозг. Сбросив мягкую оболочку, он обнажил внутреннюю душу, которая не желала сдаваться и покоряться судьбе.

— Если не веришь, я могу доказать это тебе.

[Все исторические события в тексте вымышлены и не имеют отношения к реальности.]

Слова действительно тронули сердце, сердце Гу Яньшу действительно дрогнуло от них, но это чувство быстро было им подавлено.

— Ц-ц, забудь, — Гу Яньшу откинулся на спинку дивана, глядя на потолок. — Сиди спокойно дома, не нужно ничего доказывать.

— Сидеть дома? — недоумённо переспросил Бай Ицин. — Ты хочешь, чтобы я уволился?

— ? У тебя есть работа?

— ?? А как же?

Гу Яньшу нахмурился, с недоверием разглядывая Бай Ицина, словно не веря его словам.

— У тебя действительно есть работа?

— Есть.

— И что ты можешь делать с такими куриными косточками?! — Голос Гу Яньшу повысился, в голове сплошные вопросительные знаки.

Бай Ицин: «.....» Этот тип что, думает, что я на стройке кирпичи таскаю?

Он вздохнул, в N-й раз сказав себе в сердце, что перед ним типичный «альфа-шовинист», и не стоит с ним связываться.

— Господин Гу, я старший помощник. Мне обычно не приходится драться или рвать задницы, так что этих «куриных косточек» вполне хватает.

Гу Яньшу действительно не ожидал, что тот окажется старшим помощником. Изначально он думал, что это просто недавний выпускник университета, которого старик схватил и притащил для принудительной женитьбы. А позже, увидев, насколько слабое у того здоровье, он ещё больше утвердился в этом мнении.

— Работа старшего помощника требует большой выносливости, твоё тело выдержит?

— М-м... более-менее, — Бай Ицин прокрутил в голове свою обычную работу. — Прихожу в девять утра, затем варю кофе президенту Вану, потом просматриваю задачи на день и составляю план. В промежутках смотрю отчёты, просто просеиваю документы, расставляю приоритеты по важности для генерального директора. Всякая другая ерунда — это в основном обсуждение проектов, походы на банкеты и тому подобное, не так уж и тяжело.

Все эти слова Гу Яньшу автоматически проигнорировал, в его голове крутился только один вопрос:

— Зачем тебе, Омеге, каждый день выставляться напоказ и вести переговоры?!

Опять началось... этот «альфа-шовинист».

— Господин Гу, ты в курсе, что империя Цин уже давно пала?

Гу Яньшу: «.....»

— Я просто веду деловые переговоры, а не ищу сахарных папиков. К тому же у меня проблемы с желудком, я не пью алкоголь на улице. Я хожу туда, чтобы немного присмотреть за президентом Ваном, чтобы его не подловили на словах или чтобы он в пьяном виде не наговорил лишнего.

— У вас ещё есть вопросы?

Гу Яньшу кашлянул:

— Нет... кхм... нет.

— Тогда хорошо. — Бай Ицин размял шею, чтобы снять скованность, и чёрный подавляющий ошейник обнажился при его движении.

Гу Яньшу, конечно, это увидел и спросил:

— Ты действительно не можешь контролировать свои феромоны? Этот ошейник нужно носить постоянно?

Шея для Омеги и так очень интимное место, и даже с ошейником, когда на неё так прямо смотрят, становится очень неловко. Он приподнял воротник, прикрыв шею.

— Не то чтобы совсем не могу контролировать, просто способность к контролю довольно слабая. Это как с решением математических задач: ты лишь изредка ошибаешься в

вычислениях, а я ошибаюсь постоянно, поэтому приходится всегда носить с собой «калькулятор».

— У меня по математике всё отлично, я почти не ошибался, — возразил Гу Яньшу.

— Э-э... Я же сказал, это просто аналогия.

— О, — Гу Яньшу отвел взгляд и послушно уселся на диван. Через некоторое время он снова заговорил:

— Тогда ты слишком глупый, если даже с числами можешь ошибаться.

Бай Ицин: «.....» Я же чёрт побери сказал! Это метафора! Метафора! Ты что, человеческой речи не понимаешь?!!!

— Вы правы, это я слишком глуп.

— Угу.

Гу Яньшу закинул ноги на стол, выглядел так, словно витал в облаках. Бай Ицин, видя, что у того нет реакции, тоже взял подушку и сел в отдалении от него, погрузившись в свои мысли.

Оба молчали, воздух словно застыл.

Спустя долгое время Бай Ицин почувствовал, что на него смотрят, повернул лицо и увидел, что тот действительно пристально смотрит на него, и тоже последовал за его взглядом. Встретились взглядами... Оба по-прежнему молчали, так и застыли, долго смотря друг на друга.

Глаза у Бай Ицина были красивые, когда он прямо смотрел на тебя, внутри словно таилась весенняя вода, приподнятые уголки глаз выглядели нежно и соблазнительно, постоянно маня людей. Губы тонкие, только что он что-то поел, и они отливали светло-розовым. Эти глаза... эти губы всегда заставляли вспоминать о тех днях...

Вспомнив о событиях тех нескольких дней... вспомнив, что те стоны и мольбы о пощаде доносились именно из этих губ, сердце Гу Яньшу заволновалось, и низ живота рефлекторно отреагировал.

Гу Яньшу мысленно ругал своего «младшего брата»: «Ты хоть немного постарайся! Можно ли возбудиться, просто посмотрев на человека?! Хотя бы подожди, пока он что-нибудь снимет!»

Не подавая виду, он натянул на себя тонкое одеяльце Бай Ицина, прикрыв своего «непослушного младшего брата», и заговорил:

— Почему ты всё время на меня смотришь?

Бай Ицин, наблюдая за странными действиями собеседника, в душе немного удивился, но не стал думать в ту сторону. В конце концов, тот был «прямым и извращенным», и он не был настолько самовлюблённым, чтобы считать, что тот может на него реагировать.

— Потому что ты смотришь на меня.

Только что Гу Яньшу просто машинально хотел взглянуть на Бай Ицина, в итоге смотрел-смотрел и засмотрелся, а потом последовали те самые три минуты встречи взглядами. Раскрытый Гу Яньшу наигранно кашлянул и сменил тему:

— Кстати, где ты работаешь?

Тему сменили слишком резко, но Бай Ицин не стал разоблачать и ответил:

— В корпорации Хэнхуэй.

— Хэнхуэй? Ты там работаешь?

— Угу.

Хэнхуэй входит в число пятисот крупнейших компаний мира, и Гу Яньшу знал, насколько высоки их требования. Плюс ко всему, старик был в очень хороших отношениях с бывшим председателем правления Хэнхуэй, и он тоже видел, каких требований старик придерживался к помощникам. Можно сказать, что в Хэнхуэй работают только таланты.

Бай Ицин заметил, что выражение лица собеседника снова изменилось, словно он съел муху. В этот момент он в очередной раз понял, что тот опять всё неправильно понял, поэтому первым заговорил:

— Я выпускник университета А, имею двойную степень по финансам. Во время учёбы проходил практику в корпорации Ли, после выпуска устроился в Хэнхуэй. Я сам пробился наверх, а не переспал. Поэтому... не могли бы вы убрать это брезгливое выражение лица?

<http://bllate.org/book/15562/1384786>